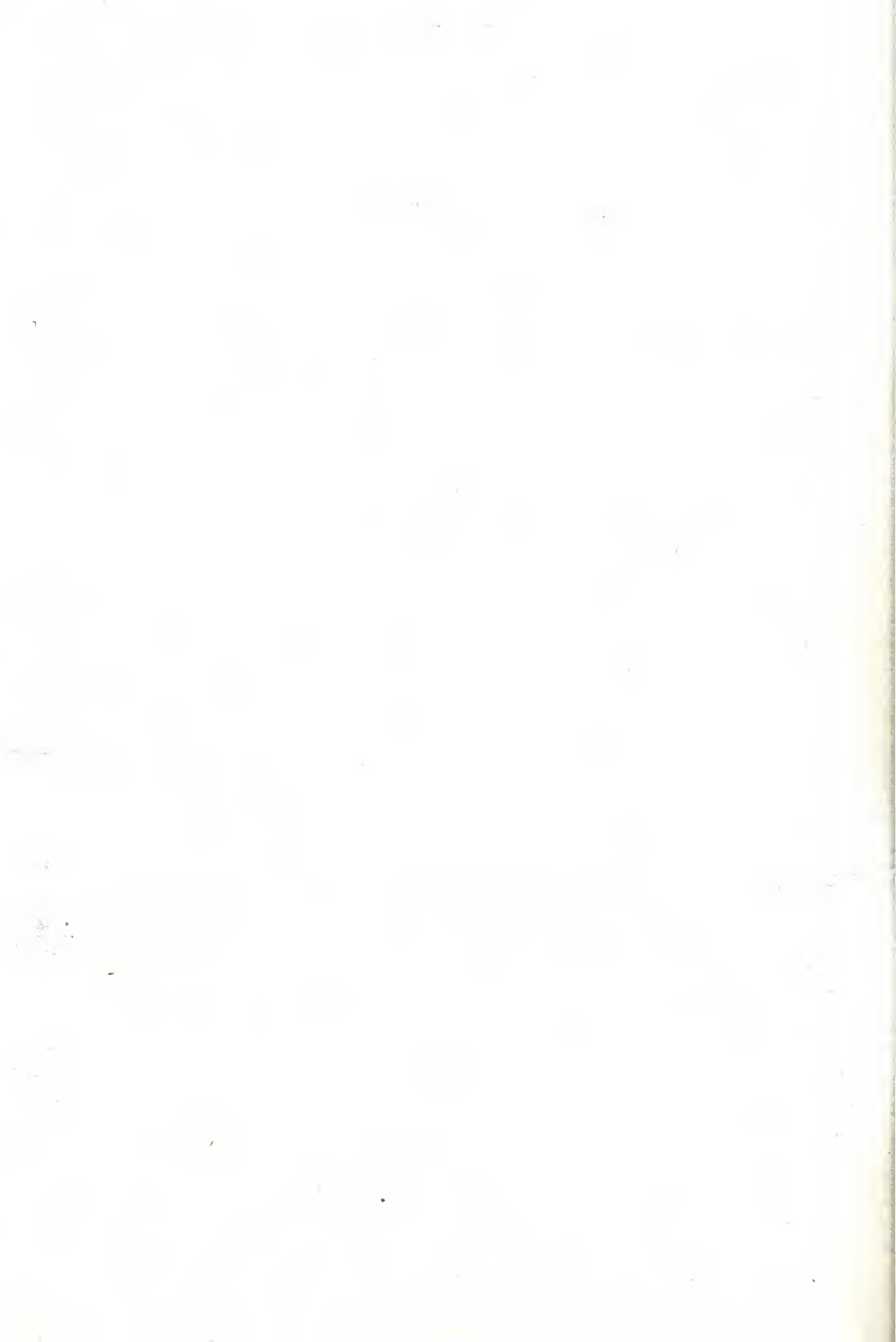
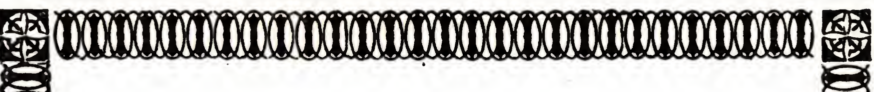

Святые равноапостольные царь Константин и царица Елена

Житие святых равноапостольных царя КОНСТАНТИНА и матери его царицы ЕЛЕНЫ

(21 мая / 3 июня)

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

(14 / 27 сентября)

СКИНИЯ
МОСКВА 1995

Изложено по руководству Четьих-Миней Святителя Димитрия Ростовского

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II*

Издано с переработкой перевода и существенными уточнениями текста

Ответственный редактор:
игумен Владимир Зорин

Н/К
Формат 60Х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2. Тираж 150 000 экз. Завод 100000 - 150000 экз.
Заказ N 815. Цена договорная.

Общество "СКИНИЯ". Москва.
Отпечатано в А/О "Офсет"
Москва, Нагорная ул.,20 корп. 7.

ISBN 5-86544-011-X

ОА
КѠН
Ъ
А
ЕЛЕ
НА

Житие святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены

В то время как языческий мир, вооружаясь против христианства огнем и мечом, помышлял в конце III и начале IV столетий совсем стереть с лица земли само имя христианин[1], Промысел Божий уготовал для Церкви Христовой среди самих кесарей царственного покровителя в лице Константина - царя, еще при жизни своей получившего название Равноапостольного, во всемирной же истории - Великого.

Рожденный в 274 году от благочестивых родителей, хотя и не христиан, но знакомых с христианством и ему покровительствовавших, Константин с детства чуждался языческих суеверий и желал приблизиться ко Христу, истинному Богу. Десница Господня сама постепенно приготовляла и различными способами очищала его как избранный сосуд славы Божией.

Отец Константина Констанций Хлор, цезарь в западной половине империи, хотя и казался внешне идолопоклонником, но не усердствовал в службе идолам, а возлагал надежду и упование на Единого Истинного Бога.

Во времена, когда во всех других пределах обширной Римской империи кипело гонение Диоклитианово, в области Констанциевой христиане жили в мире и благоденствии. Впрочем, не имея возможности явиться ослушником воли Диокли-

---

1) Указом императора Диоклитиана от 23 февраля 303 года приказывалось искоренить христианство со всеми его учреждениями и храмами. Жестокое гонение тогда началось с разграбления и разрушения христианского храма в Никомидии, столице Восточной Римской империи, где было сожжено до 20 000 христиан; а затем ужасы гонений охватили Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет с Италией. О жестокости гонений Лактанций ("О смерти гонителей" гл. XV и XVI) сообщает: "Если бы я имел сотню уст и железный язык, то и тогда я не мог бы исчислить всех мучений, какие переносили христиане... железо притуплялось и ломалось; убийцы утомлялись и работали посменно, по очереди..."

тиана, старшего из императоров, Констанций позволил одно - разрушить некоторые из христианских церквей.

Таков был отец равноапостольного Константина Констанций Хлор. Он был расположен к христианам и предпочитал их язычникам. Ко Христу обратились и его жена, святая Елена, мать Константина, и его дочь Констанция[2]. С малых лет Константин впитал в свою душу истинную любовь к Богу и Его закону, создавая твердую основу для воспитания и укрепления в себе того нравственного начала, которое, как малое зерно, посеянное в детской душе, возросло впоследствии в великое древо.

Годы юности своей Константин должен был проводить не в среде родной своей семьи, а при дворе Диоклитиана в Никомидии, куда он взят был в качестве заложника, хотя и почетного, для обеспечения верности его отца Констанция старшему императору Диоклитиану. Придворная жизнь в столице олицетворяла собою тогда в малом виде все то нравственное и религиозное растление, до какого только может дойти человечество, порабощаемое нечистыми, страстными похотями. Суетная пышность и роскошь, пьянство и объядение, необузданный разврат мысли и жизни, интриги и крамолы, озлобление против истинного богопочитания и лицемерное, лживое почтение к мнимым богам, - вот мрачная картина, в которой Промысел Божий представил Константину все ничтожество язычества. И тем достойнее вырисовывалась пред взором Константина жизнь иного общества - общины христианской, где старцы и старицы, юноши и девы, простецы и ученые мудрецы, даже дети доказывали истину своей веры, чистоту и высоту ее содержания не только словами, а и своими делами, страданием за нее даже до смерти. И разгоревшееся в это время ужаснейшее гонение на Церковь Христову, превосходившее прежние гонения и злобою гонителей, и разнообразием мучений, и числом мучеников, обернулось победным торжеством веры Христовой над всеми языческими кознями.

---

2) Константин был единственным сыном Елены; Констанция была дочь другой жены Хлора Феодоры, от которой Констанций имел и других детей. Современники, к сожалению, не говорят о влиянии святой Елены на Константина в детстве.

Константин, поставленный Промыслом у самого очага языческой злобы, не мог не видеть тщеты всех ее усилий одолеть неодолимое. Непосредственно, своими очами, созерцал он силу Божию, в немощи совершающуюся и все себе покоряющую. В каждом мученике за Христа взору Константина являлся непререкаемый свидетель правоты веры Христовой, ее Божественного происхождения. И Константин сохранил в душе своей залог добра, посеянного в детстве, сохранил чистоту, невинность сердца и уважение к закону Божию, хотя и вращался в нравственно испорченной среде. Эта внутренняя отчужденность Константина от растленной придворной жизни, его живой любознательный ум и духовная благоустроенность в сочетании со скромностью возбуждали против него злобу окружавших его царедворцев, а величественная, красивая осанка Константина при высоком росте и выдающейся физической силе, привлекавшая к нему взоры народа и располагавшая в его пользу все войско, была причиной зависти многих и особенно - цезаря Галерия. Последний замышлял погубить его и даже организовал заговор, чтобы не допустить Константина до царского престола, на который тот имел право по своему рождению.

Жизнь Константина подвергалась опасности, но рука Всевышнего спасла своего избранника и даровала ему то, что хотела отнять у него необузданная, кровавая зависть. Константин удалился в Галлию к своему отцу, которого нашел уже на смертном одре.

После смерти Констанция Хлора его войско провозгласило Константина (в 306 году) императором Галлии и Британии. Под живым впечатлением виденных им ужасных гонений христиан на Востоке Константин счел первым своим делом подтвердить все распоряжения своего отца в пользу христиан и объявил в своих областях свободу исповедания христианства.

Приблизился, таким образом, час победы веры Христовой над язычеством! Но наступлению лучших времен для Церкви предшествовало время суда Божия над ее гонителями. Императоры Диоклитиан и Максимин, утомленные собственною своею злобой против непоколебимых страдальцев за святую истину, решились искать покоя, устранившись от царских престолов; но их отказ от власти, не дав мира этим свирепым

гонителям, еще и послужил поводом к общественным неустройствам. Случилось так, что в Римской империи царствовали сразу шесть императоров, и все они враждовали между собою. Миром и благоденствием наслаждались только подданные Константина, довольствовавшегося унаследованным от отца уделом, не желавшего принимать участия во взаимной борьбе других соправителей и всецело посвятившего себя управлению страною по влечению своего чистого сердца и здравого ума в покорности Божественному Промыслу.

- Мне чужды, - говорил Константин, - бывшие доселе правители из-за дикости их нравов[3]

В отношении к христианам он придерживался политики отца, ибо ценил их как усердных и верных подданных. Константин понимал, что христианство есть великая сила, способная преобразить мир. Тем не менее, он еще не был христианином: при всем глубоком уважении к рабам Христовым, Константин не мог с легкостью, без внутренней борьбы отказаться от староязыческих заветов. И только наступившие грозные и трудные обстоятельства расположили его открыто преклониться пред величием "распятого Бога", дивным образом утвердившего его в решении стать христианином.

После Галерия, умершего в 311 году от страшной болезни, и Максимиана - правителя Сирии - покончившего жизнь самоубийством в 313 году, единым властителем на востоке империи остался Ликиний, женившийся потом на сестре Константина. В западной же половине, в Италийской области, после повторного царствования Максимиана воцарился снова Максенций вопреки желанию римского народа. Константин признал его царем в Риме и даже отправил к нему мирное посольство. Однако Максенций не захотел иметь мирных отношений с Константином и не признал его царем, желая сам единолично быть самодержцем всех земель и стран Римской области. Укрепившись же на престоле, он проявил во всей полноте присущую ему коварную жестокость и корыстолюбие не только в отношении к христианам, но и в отношении к своим единоверцам - язычникам. Обольстивши при своем воцарении нужных ему людей дарами и обещаниями, он начал преследовать и мучить почетных сенаторов, разграб-

---

[3] Евсевия: Жизнь Константина, кн. II, гл. 49.

ляя их имущество, похищая их жен и дочерей для удовлетворения своих собственных низменных страстей и страстей своих фаворитов. И был он весьма омерзителен для всего Рима. Римляне, страдая под его тяжким игом, решились тайно искать себе защиты у Константина, прося его прийти и избавить их от оного мучителя. Константин послал по этому случаю письмо Максенцию, дружески убеждая его прекратить насилие. Однако Максенций не только не внял его доброму совету и не исправился, но еще более озлобился. Свое ожесточение он простер до того, что начал готовиться к войне против Константина.

Услышав об этом, Константин в 312 году решился предпринять военный поход против римского императора: он хотел освободить Рим от злого тирана. Но поход этот был связан со многими на первый взгляд неодолимыми трудностями. Самому отважному полководцу, которого любили солдаты, нелегко было заставить армию войти с мечом в сердце Италии, в великий Рим, священный для языческих народов того времени; такое предприятие неизбежно могло вызвать недовольство императорского войска. И сам Константин не мог быть свободным от чувства невольного страха, предпринимая этот поход, тем более что он никогда сам не видал Рима, который вполне мог казаться ему грозным исполином. К тому же Константину было известно, что войско его противника многочисленнее его войска и что тот крепко надеется на помощь своих богов, которых он старается умилостивить щедрыми жертвами, даже закланием отроков и отроковиц, ограждает себя и свои войска всяческими чарами и волхвованиями. Надеяться на одни человеческие силы и средства было недостаточно для Константина, и у него явилось искреннее желание иметь помощь свыше. Размышляя о несчастном состоянии империи, ищущей защиты у бездушных идолов, о помощи Божией, неоднократно явленной отцу его и ему самому, о тех политических переворотах, которые совершались на его глазах, о позорной гибели в короткое время трех правителей, разделявших с ним верховную власть в империи, он признал безумием держаться языческих богов после стольких доказательств их бессилия.

Среди таких размышлений Константин начал возносить молитву к Богу отца своего, начал просить Его, чтобы Он вра-

зумил его, подал ему мужество и простер ему десницу помощи в предстоящем деле. И эта молитва его, как некогда молитва темничного стража(Деян. 16), была услышана: Господь вскоре Своим непосредственным явлением утешил его и указал, что подобает ему делать. Евсевий, его современник, слышавший об этом событии лично от царя, повествует:

- Однажды после полудня, когда солнце начало уже склоняться к западу, - рассказывал царь, - я собственными глазами увидел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: "**СИМ ПОБЕЖДАЙ**".

Это зрелище привело в ужас как самого царя, так и войско, бывшее с ним, ибо крест, как позорное орудие казни, считался у язычников дурным предзнаменованием. Константин пребывал в недоумении и говорил сам себе: что значит такое явление? Между тем, пока он размышлял об этом, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос со знамением и повелел сделать знамя, подобное виденному на небе, и использовать его для защиты при нападении врагов. Встав от сна, Константин рассказал своим друзьям об этом сновидении, а потом позвал к себе опытных мастеров и, описав им образ чудного знамени, приказал устроить, по подобию его, хоругвь из золота и драгоценных камней; воинам же своим он приказал изобразить Крест на щитах и шлемах.

Пораженный дивным видением Константин решился не почитать никаких других богов, кроме явившегося ему Христа. Призвав к себе христианских священников, он спрашивал их - кто тот Бог и какой смысл знамения, виденного им. Их ответ о Боге и кресте для знамени был таков: Бог един по существу и троичен в лицах. Он воплотился во Христе для спасения людей, умер крестной смертью, победив державу смерти Своим Воскресением. А крестное знаменье, явившееся ему, Константину, знак победный. После этого ответа Константин полно и осознанно принял христианскую веру. С того времени он начал усердно заниматься чтением священного Писания и постоянно имел при себе иереев, хотя и не принял еще святого крещения[4].

Поход, предпринятый Константином для освобождения Рима от жестокого тирана, не вразумил последнего. Злочес-

---

4) Евсевия: Жизнь Константина, кн. I, гл. 28-32.

тивый Максенций, принеся обильные жертвы богам с торжественными церемониями, выслушав предсказания гадателей по внутренностям беременных женщин, с многочисленным войском выступил против Константина. Но он не избежал достойного возмездия за свое нечестие. Константин, покрываемый спасительным знамением Креста, после трех столкновений с противником, подступил к самому "вечному" городу и здесь нанес Максенцию решительное поражение. Максенций, спасаясь бегством через реку Тибр, погиб при разрушении моста. Победитель с торжеством вступил в Рим и встречен был народом с великой радостью. Сознавая, что эта победа дарована Божественной помощью, Константин водрузил на самом людном месте города священную хоругвь, а потом, когда благодарные Римляне поставили статую в честь нового императора, велел утвердить в руке своего изображения высокое копье в виде креста и начертать такую надпись: "Сим спасительным знамением я освободил ваш город от ига тирана и возвратил римскому народу и сенату прежний блеск и славу"[5].

Став таким образом повелителем всей западной половины Римской империи, Константин первый из цезарей указом от 314 года предписал подвластным ему народам полную веротерпимость: язычникам он оставлял право совершать обряды своего богопочитания, а христианам разрешал свободно поклоняться Единому истинному Богу. За этим указом последовал целый ряд указов, благоприятных для Церкви Христовой: запрещена была казнь на кресте, отменены были кровавые игрища в цирке, прекращены языческие жертвоприношения и курения в торжественные дни, установлено празднование воскресного дня с запрещением производства в этот день судебных разбирательств, этот день становился днем отдыха как для свободных граждан, так и для рабов; сироты и дети, брошенные родителями, бедные и убогие, которых язычество оставляло без помощи и приюта, приняты были под царское покровительство; по всем городам начались праздники обновления и освящения церквей; везде слышались хвалебные песни и благодарственные молитвы Богу; епископы свободно собирались, чтобы рассуждать о нуждах Церкви. Константин

---

5) Евсевия: Церков. Ист. кн. IX, гл. 9; Жизнь Конст. Кн. I, гл. 40.

сам иногда присутствовал на этих собраниях, вникал в вопросы, касающиеся веры, и с готовностью делал все, что требовалось для пользы христианского общества. Он освободил священнослужителей от всяких посторонних должностей и от податей, дабы они могли совершенно посвятить себя служению Богу; он не только возвратил Церкви усыпальницы и все святые места, отнятые гонителями, но еще даровал для богослужения несколько обширных зданий, называемых базиликами, в которых заседали судьи и которые, по их внутреннему устройству, было легко превратить в церкви: там он предоставил право пастырям решать споры и взаимные несогласия между христианами. Нося на своем шлеме, как видимый для всех знак благоговейного почитания Христа Бога, монограмму "Христос"[6], Константин дал своим воинам молитву, которую они должны были читать в воскресные дни и которая, будучи исповеданием сердечной веры самого императора, располагала всех признавать Единого всемогущего Подателя благ и Его помощи искать во всех делах.

Благоволение императора вызвало восторг в среде христиан: великой духовной радости исполнились их сердца от вкушения сладости жизни при таком правлении. Современник Евсевий так изображает то время: "Теперь светлый и ясный день, не омраченный никаким облаком, озарил лучами небесного света Христову Церковь. Мы должны сознаться, что счастье наше выше наших заслуг; мы приведены в величайшее изумление благодатью Виновника столь великих даров; мы достойно дивимся Ему и говорим с пророком: **приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли**(Псал. 45,9.). Люди всякого возраста, мужского и женского пола, всей силой души радуясь, умом и сердцем воссылают молитвы и благодарения Богу[7].

Но между тем, как на Западе христиане благоденствовали под управлением Константина, совсем иное было на Востоке, где царствовал Ликиний: воспитанный при дворе Диоклитиана, полководец при Галерии, он, достигнув цесарского достоинства, в душе ненавидел христиан. Породнившись с

---

[6] Эта монограмма состояла из двух букв *X* и *P*, из коих первая покрывала вторую.

[7] Евсевий: Церков. Ист. X, гл. 1-3.

Константином, Ликиний в первое время не решался противодействовать своему могущественному шурину[8], даже подписал указ о веротерпимости; но вскоре, став после смерти императора Максимина полновластным властелином всего Востока, начал теснить и унижать христиан. Опасаясь потерять свою царскую власть и слушая наветы идолопоклонников, он закрывал и разрушал христианские храмы под предлогом, будто в них молятся о Константине, изменяя тем самым ему, и требовал от всех, а особенно от своих войск, языческой присяги и принесения жертв идолам; ослушников же своей воли он подвергал заточению и ужасным истязаниям, доводя их до мученической кончины. Ликиний, впрочем, был жесток не к одним только христианам: все подвластные ему народы много терпели от его корыстолюбия и злобы. О его подозрительности и жестокости достаточно свидетельствует уже одно то, что он предал смерти жену и дочь своего бывшего покровителя Диоклитиана и истребил всех детей императоров - Максимина, Севера и Галерия. Римская империя, по изображению Евсевия, разделенная на две половины, представляла собою две противоположности: жители Востока объяты были мраком ночи, а жители Запада - озарены светом самого яркого дня.

Отношения Ликиния к Константину были неприязненными. Ликиний проявлял в них коварство и двоедушие; он уверял Константина в своей дружбе, а втайне ненавидел его, стараясь делать ему всякое зло; козни его не удавались, и не раз между ними начинались раздоры, оканчивавшиеся войнами. Константин выходил победителем, но, будучи обманут лживыми уверениями зятя, заключал с ним мир. Однако с течением времени отношения между императорами принимали более и более обостренный характер. Угнетаемые подданные Ликиния и гонимые им христиане не видели конца своим страданиям. Ликиний, наконец, перестал скрывать свои замыслы против Константина и вступил в открытую борьбу. В 323 году возгорелась жестокая война между ними. Эта война должна была окончательно решить судьбу христианства в Римской империи, обнимавшей собою "всю вселенную".

---

8) Он женился на сестре Константина в 313 году.

Оба императора собрали значительные силы и готовились к решительной битве, каждый сообразно со своей верой. Казалось, что одряхлевшее язычество ополчилось против христианства, явившегося в мир обновить человечество. Накануне сражения Ликиний, окруженный жрецами и гадателями, собрал отборных воинов и лучших своих друзей в тенистую рощу, в которой стояли идолы, совершил торжественное жертвоприношение и, обращаясь ко всем присутствовавшим, сказал:

- Друзья! Вот наши общественные боги, пред которыми нам надо благоговеть, как нас тому учили предки наши. Начальник же враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял ложное учение и прославляет какого-то иноземного Бога. Постыдным знаменем Его (Крестом) он срамит свое войско; доверившись Ему, он поднимает оружие не столько против нас, сколько против богов. Само дело откроет, кто прав и кто заблуждается: если мы победим, то ясно, что наши боги - боги истинные; если же одержит верх Бог Константина, нами осмеиваемый, чужестранный Бог, то пусть чтут Его. Но то несомненно, что наши боги победят, потому смело устремимся с оружием в своих руках на безбожников! [9]

Константин пред сражением удалялся в свою палатку и там молитвой и постом готовился к бою; в эти решительные минуты своей жизни он обращался к своему прошлому, перебирал в памяти события своей жизни, опасности, которым подвергался и которые благополучно миновали его, вспоминал постыдную погибель гонителей христианства и мужественную и мирную кончину учеников Христа, и, усматривая во всем этом дивное устроение Всевышнего, поручал самого себя и все свое дело высшему небесному водительству и заступлению. Христиане усердно молились за императора, своего покровителя; священное знамя высилось среди полков Константина и воодушевляло людей надеждой на небесную помощь. С благоговением взирали войска его на это победное знамя, враги же смотрели на него со страхом; во многих городах царства Ликиния среди дня люди видели призраки Константиновых войск, победоносно шествовавших с этим знаменем. Ликиний сам убеждал своих воинов не заглядываться на

---

[9] Евсевия: Жизнь Константина, кн. XI, гл. 9.

неприятельскую хоругвь, "ибо, - говорил он, - она страшна своей силой и враждебна нам"[10].

Языческие жрецы и гадатели предвещали победу Ликинию, но Бог даровал ее Константину. Ликиний многократно нападал на приближавшегося противника, но каждый раз терпел поражение и спасался бегством; притворяясь, будто раскаивается, он просил мира, втайне же собирал новые ополчения, искал себе помощи у варваров. Наконец, морская победа Криспа, сына Константина, близ Византии и сражение при Адрианополе окончательно решили успех войны. Ликиний покорился, а через некоторое время был казнен в Фессалониках, так как, сдавшись победителю, снова организовал заговор против Константина. В 323 году Константин сделался единодержавным государем всей Римской империи.

Эта победа над Ликинием еще раз наглядно убедила Константина в том, что земные блага и успехи даруются служителям истинного Бога.

- Я твердо веровал, - говорит он, - что всю душу свою, все, чем дышу, все, что только существует в глубине моего ума, - все я обязан принести великому Богу.

Так настроенный в душе своей, Константин после победы поспешил распространить и на христиан Восточной империи те же права, какими пользовались они на Западе. На Востоке он запретил приносить от имени императора жертвы идолам; в начальники областей избирал преимущественно христиан; заботился об обновлении и построении церквей; возвращал верным имущество, отнятое во время гонений.

- Кто потерял имущество, - писал он в одном указе, - проходя неустрашимо и бестрепетно славное и божественное поприще мученичества, или сделавшись исповедником и стяжав себе вечные надежды, кто утратил его, потому что не соглашался уступать гонителям, требовавшим предательства веры, - имения всех таковых повелеваем отдать.

В случаях, когда не оказывалось близких родственников, отнятые у христиан имущества передавались местным церквам; частные же лица, у которых отбиралось мученическое достояние, получали вознаграждение из царской казны. Христианские чувства Константина особенно полно и ясно

10) Евсевия: Жизнь Константина, кн. XI, гл. 16.

выражены были в его рескрипте к областным начальникам: "Теперь, - так он обращается здесь к Богу, - молю Тебя, великий Боже! будь милостив и благосклонен к восточным Твоим народам; и чрез меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем областным правителям... Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения; вознося везде Твое знамя, я вел победоносное войско; и куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за тем знамением Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою, хорошо испытанную в любви и страхе, душу, ибо искренне люблю Твое имя и благоговею пред силою, которую явил Ты многими опытами и которою укрепил мою веру... Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью; хочу, чтобы подобно верующим, приятности мира и тишины вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может и оных вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого... Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почить под святыми Твоими законами; а отвращающиеся пусть, если угодно им, владеют жребием своего лжеучения... Никто да не вредит другому; что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего; а когда это невозможно, должен оставить его, ибо иное дело - добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное - быть вынужденным к ней посредством казни... Удаляя совесть от всего противного, воспользуемся все жребием дарованного блага, то есть благом мира[11].

Став единодержавным властелином всей Римской империи и объявив веротерпимость "во всей вселенной"(Лк. 2,1), Константин, однако, не был "теплохладен"(Апок. 3,15) в своей царственной жизни. Отказавшись от язычества и став во главе христианского общества, он в христианстве видел важнейшую опору империи, основной залог могущества и преуспеяния государства, которое, по его мысли, должно пролагать путь к свободному, без насилий, водворению Царства Божия на земле, указывать и давать средства для воспитания и усовершенствования человеческого рода в духе Христовом.

---

11) История Православной церкви издание Победоносцева, 1892, стр. 73-74.

Константин как явный покровитель христиан был мало любим в Риме, где оставалось еще много языческих обычаев. И сам он не любил Рима с его Пантеоном, куда были собраны языческие боги всех покоренных народов, и редко и неохотно посещал старую столицу. И римляне, благодарные освободителю за избавление от тирана Максенция, не понимали и не могли по достоинству оценить деятельности императора; в нем они усматривали нарушителя старо-народных своих порядков, врага своей религии, тесно связанной с политическим величием Рима. Их недовольство и ропот, даже заговоры были причиной того, что в уме Константина зародилась и созрела мысль создать себе новую столицу, город христианский, который бы никак не был связан с язычеством.

Константину полюбилось положение Византии, древнего небольшого городка на берегах Босфора, ознаменованного к тому же морской победой над Ликинием, и он сделал его новой столицей империи. Константин обозначил значительно увеличенные границы нового города и начал обстраивать его великолепными зданиями. Обширные дворцы, водопроводы, бани, театры украсили столицу; она наполнилась сокровищами искусства, свезенными из Греции, Италии и Азии. Но уже не строились в ней храмы, посвященные языческим богам, и вместо Колизея, где происходили бои гладиаторов, был устроен цирк для конских состязаний. Главным украшением нового города были храмы, посвященные истинному Богу, в устроении которых принимал живое участие сам царственный покровитель христиан. Его попечительность простиралась не только на великолепие домов молитвы, но и на другие христианские нужды. С построением новых церквей в столице сделался ощутимым недостаток богослужебных книг, и царь позаботился о наискорейшем изготовлении их, - к епископу кесарийскому Евсевию было отправлено посольство с наказом, чтобы "отличные писцы написали на обделанных пергаментах пятьдесят экземпляров книг" и чтобы свитки эти доставлены были ему[12]. По его же распоряжению в столичных церквах богослужебные книги должны были содержаться в богатых переплетах[13].

---

[12] Евсевий: Жизнь Константина кн. IV, гл. 34, ст. 36-37.

[13] Евсевий: Жизнь Константина кн. III, гл. 1.

Проникнутый глубоким религиозным чувством, Константин в новой столице устроил и свою повседневную жизнь сообразно с требованиями благочестия и святости. Самый дворец был явным отображением его христианского настроения. "В царских чертогах было устроено подобие Церкви Божией, и император своим усердием к благочестивым упражнениям подавал пример для других: он ежедневно в определенные часы уединялся в покоях и там наедине молился, в молитвах преклоняя колена, иногда он приглашал к участию в молитвах и своих придворных. С особым благоговением он проводил день воскресный и пятницу - день крестной смерти Господа Иисуса: в эти дни прекращал обычные занятия и посвящал себя служению Богу. Дворец Константина, таким образом, представлял собою совсем не то, что были дворцы прежних римских цезарей: здесь не слышалось празднословия и не замышлялось коварных интриг, не было шумных, суетных, нередко кровавых увеселений; зато здесь слышались гимны славословия Богу. Собеседниками царя были "таинники Божия Слова" - епископы и священники; служителями его и стражами всего дома были мужи, украшенные чистотой жизни и добродетелью. Сами копьеносцы, телохранители руководились примером благочестивого царя.

В главном чертоге в золоченом углублении потолка устроено было изображение Креста из драгоценных камней в золотой оправе. Над дверью, ведшей в царские палаты, "на виду для всех" была утверждена раскрашенная картина, сделанная из воска. Картина эта представляла следующее: лик императора, над головой его крест, а под ногами дракон, низвергаемый в бездну; смысл же картины этой таков: *дракона* - врага рода человеческого (в лице гонителей христианства - языческих императоров) *Константин* низвергает в бездну погибели спасительной *силой Креста*[14].

Новая христианская столица, получившая название "град царя Константина", Константинополь, по имени своего устроителя, - находилась между прежними столицами империи - Римом и Никомидией, и, врученная покровительству Божией Матери, быстро расцвела и затмила славу и величие не только пышной Никомидии, но и самого великого Рима. И

---

14) Евсевий: Жизнь Константина кн. I, гл. 9, 11; кн. IV, 17. 18, 8; III, 49, 3.

подобно тому, как в древности Давид, водворившись в Сионе, смущался тем, что он "живет в доме кедровом", а "Кивот Завета остается под кожами"(2 Цар. 5,9; 7,2; 2 Пар. 17,1 и далее.), так теперь Константин, поселившись в прекрасной Византии, не мог оставаться равнодушным к поруганной "колыбели Христианства" - месту земной жизни Господа Иисуса, Его страданий, смерти и воскресения. Благоговея пред знамением Креста, он пожелал прославить само "живоносное Древо, на нем же распялся Царь и Господь". Но как воин, и притом проливший много крови, он считал себя недостойным совершить это самолично. Благочестивое намерение императора привела в исполнение его равночестная мать, царица Елена, которую он отправил в Иерусалим, снабдив полномочиями и богатыми дарами.

Елена, как повествует Евсевий, эта старица с юношескою быстротою устремилась на Восток, чтобы совершить должное поклонение стопам Господа, - по слову пророка, "Пойдем к жилищу Его, поклонимся подножию ног Его"(Пс. 131,7.). В стране священной, ознаменованной дивными событиями, где все напоминает о "великой Тайне благочестия - явлении Бога во плоти", наглядно проявилось величие смиренной души царственной старицы; там святая Елена не облачалась в свойственные ее сану одеяния, ходила в самой скромной одежде среди народной толпы и, стараясь быть неузнанной, раздавала щедрую милостыню. Подражая Господу Иисусу, она до того простирала свое самоуничижение, что в своем доме собирала девственниц, угощала их и сама служила за столом в виде простой рабыни[15]. Пример искреннего благочестия царицы производил глубокое впечатление не только на верующих во Христа, но и на неверующих.

Пребывание царицы-матери в "колыбели христианства" ознаменовалось и исполнением предначертаний ее царственного сына. В Палестине все места, освященные евангельскими событиями, уже давно подверглись опустошению. Язычники, по ненависти к христианству, постарались изгладить даже память о них: самое дорогое место для верующего христианского сердца - пещера гроба Господня - была засыпана мусором и таким образом сокрыта от благоговейных взоров; мало

---

[15] Церковная история Руфина, кн. I, стр. 8.

того, как бы в насмешку над распятым Богом и Его почитателями, на холме, насыпанном поверх святой пещеры, построено было капище "сладострастному демону любви" - Венере. По указаниям Елены идольские капища, поставленные на священных для христиан местах, были разрушены и вместо них сооружены святые храмы. Прекрасные церкви построены были по желанию и на средства царицы в Вифлееме, над пещерой Рождества Христова, и на горе Елеонской - месте Вознесения Господня; храмами украшены были Гефсимания - место успения Пресвятой Богородицы и место явления Бога Аврааму у дуба Мамврийского.

Но главнейшей заботой царственной старицы было исполнение желания ее великого сына - отыскать то самое Древо, на котором был распят Спаситель мира.

Место, где сокрыт был Крест Господень, было неизвестно; к поиску его благочестивая Елена употребила все средства и все свое царское влияние. После долгих усиленных опросов место это указано было неким Иудою, евреем, старцем преклонных лет, сыном иудейского учителя, - оно оказалось под языческим капищем, построенным на холме, покрывавшем пещеру Гроба Господня. По приказанию царицы мерзкая Венера была низвергнута, а ее капище разрушено; святитель иерусалимский Макарий совершил молитву на поруганном месте; после чего приступили к расчистке возвышенности. И благочестивая ревность получила дивное подкрепление: копавшие землю верные обоняли благоухание, исходившее из-под земли. Ревность о славе имени Христова побуждала работавших, согласно желанию блаженной Елены, относить материалы разрушенного языческого храма и весь мусор из-под него как можно дальше от места погребения Господа Иисуса[16]), чтобы таким образом ничто, оскверненное идолослужением, не касалось великой христианской святыни.

Пещера Гроба Господня была найдена и очищена; около нее, на восточной стороне, обретены были три креста и подле них доска с надписью и честные гвозди. Но как было узнать, который из трех крестов был Крестом Спасителя? Общее недоумение разрешилось, по устроению Промысла, благодаря такому чудесному событию: случилось, что мимо этого места в

---

16) Евсевий: Жизнь Константина кн. III, гл. 42, 45, 52, 53.

то время проносили для погребения мертвеца; святитель Макарий велел похоронной процессии остановиться; стали полагать, по совету епископа, найденные кресты по одному на умершего, и, когда возложен был Крест Христов, мертвый воскрес.

Все, видя это чудо, возрадовались и прославили дивную силу животворящего Креста Господня. Старица-царица с благоговением поклонилась Честному Древу и облобызала его. А так как многочисленной толпе невозможно было, по примеру царицы, каждому порознь воздать должное почтение обретенному Кресту, то святитель Макарий, удовлетворяя общему желанию - хотя бы издали видеть святыню,- благоговейно подняв ее и став на возвышенном месте, сотворил воздвижение Креста Господня пред взором множества верных, которые в то время велегласно восклицали: "Господи помилуй!" Это было первое Воздвижение Честного и Животворящего Креста; совершилось оно в 326 году. Православная Церковь празднует это событие ежегодно 14 сентября [17]

Многие из язычников и иудеев тогда обратились ко Христу; в числе обратившихся был и тот Иуда, который указал место, где хранился Святой Крест[18]. Святой Крест потом положен был в серебряный ковчег для сохранения; в Великую Пятницу Его выносили из построенного вскоре храма, где он хранился, на Голгофу для поклонения. Но частицу живоносного Древа святая Елена, покидая Иерусалим, взяла с собою в дар сыну своему Константину. Прожив после того недолгое время, святая старица скончалась.

Получив от матери, блаженной Елены, бесценное сокровище - частицу Святого Креста, - Константин решил украсить пещеру гроба Господня и подле нее построить такой храм,

---

17) В праздник Воздвижения честного Креста - день постный - богослужение православной Церкви посвящается прославлению Креста Господня, воспоминаниям крестной смерти Спасителя; на всенощном бдении после великого славословия священнослужителями совершается торжественный вынос Креста из алтаря на средину храма, и здесь бывает поклонение ему. Особенной торжественностью отличается обряд воздвижения Креста в кафедральных храмах, совершаемый епископами при многократном возглашении клира: "Господи помилуй".

18) Иуда, по крещении - Кириак был впоследствии патриархом иерусалимским и претерпел мученическую кончину при Юлиане Отступнике. Память его - 28 октября.

который был бы "великолепнее всех храмов, где-либо существующих"... "Пещеру как главу всего, по словам Евсевия, христолюбивая щедрота царя одела отличными колоннами и многочисленными украшениями. Из пещеры был выход на обширную площадь под открытым небом. Эта площадь была выстлана блестящим камнем, и с трех сторон ее охватывали непрерывные портики"[19].

Константин между прочим сам придумал украсить храм двенадцатью - по числу апостолов - колоннами, наверху которых находились вылитые из серебра вазы. Храм этот представлял собой чудо красоты и видом своим приводил в восторг современников.

Но благочестивый царь не ограничивался в своем отношении к христианству только попечением о внешнем его возвеличении; Константина заботила и внутренняя жизнь Христовой Церкви. Церковь, по его мысли, должна служить важнейшей опорой жизни государственной; религиозное единство должно быть могучим залогом преуспеяния империи. Церковь, блистая величием и внешним благолепием, своим внутренним миром должна привлекать к себе языческое население, постепенно обращая все государство в один внутренне сплоченный организм. Такое единство и благостояние Церкви "давало заботливому царю мирные дни и спокойные ночи", в том он видел счастье и свое и всех подвластных ему народов мира".

Однако не всегда и не легко давались великому императору эти "мирные дни и спокойные ночи". В те времена церковь Христова, увенчанная уже победным венцом мученичества и получившая право гражданского существования даже с преимуществами перед язычеством, была потрясаема внутренними раздорами, зародившимися и созревшими еще в тяжкую годину гонений. Едва Константин воцарился в Риме, как с удивлением и скорбью узнал он, что целая область его империи обуревается междоусобием чад Единого Отца.

Среди христиан в Африке возгорелась борьба из-за поставления епископом карфагенским Цецилиана "предателя"[20];

---

[19]) Жизнь Константина кн. III, гл. 31-32.

[20]) Такое имя давалось христианами во время гонений тем, кто по страху выдавал язычникам предметы своего религиозного почитания: О Цецилиане го-

его противники избрали себе епископом Маиорина, а вскоре - по смерти Маиорина - возвели на его место главного зачинщика смуты Доната, который был пресвитером в Карфагене. Приверженцы последнего - "донатисты", сблизившись с "новацианами"[21], утверждали, что только они составляют Церковь Христову, и в исступленном фанатизме не стеснялись возводить клевету на своих противников, даже насильно отнимали у них храмы; дело доходило нередко до кровопролития между враждующими сторонами. Для примирения их и рассмотрения их взаимных жалоб Константин сначала посылал в Карфаген своего епископа Осию[22], поручая ему в то же время раздать денежную помощь тамошним бедствующим христианам, потом по именному приказанию императора по делу донатистов собраны были два собора - малый в Риме и "из многих епископов разных мест" в Арелате. Решение суда, произнесенное о непокорных раскольниках этими соборами, подтверждено было в Милане в 316 году под личным председательством Константина, и дело, по-видимому, уладилось.

Но чем более благочестивый царь знакомился с настоящим положением христианства, тем менее оно оправдывало его идеальное представление о святом единстве чад Христовой Церкви. Дело донатистов, обеспокоившее Константина в первые годы его царствования, имело значение не столько по существу, сколько по пристрастности борцов. В 323 году, после победы над Ликинием сделавшись единовластителем всей империи, Константин шел на Восток, проникнутый искренним желанием перестроить все государство заново, на лучших, более твердых, началах. В своих планах он первое место отводил христианской Церкви, которая, по его мысли, долж-

---

ворили, будто он выдал гонителям священные книги, но оговор этот оказался ложным.

21) Новациане учили, что падших во время гонений и вообще тяжко согрешающих нужно принимать в общение с Церковью не через покаяние, а через повторное крещение.

22) Осия, родом из Испании, епископствовавший более 50-ти лет, в Диоклитианово гонение прославился как исповедник Христа. Он был епископом Кордубы. Император Константин призвал его к своему двору и окружил его любовью и доверием. В христианском обществе тогда широко было распространено мнение о сильном влиянии на Константина этого любимого им советника (Церк. Ист. Сократа 1, 7).

на была духовно объединить политически сплоченную мировую империю.

Но там, на Востоке, его постигло разочарование более жестокое, чем на Западе. Он прибыл сюда в такое время, когда споры, возбужденные ересью ариан[23]), ничем не сдерживаемые, достигли крайнего своего развития. Евсевий так изображает это время: "Не только предстоятели церквей вступали друг с другом в прения, но и народ разделился; ход событий дошел до такого неприличия, что божественное учение подвергалось оскорбительным насмешкам даже в языческих театрах".

Время это было благоприятно для деятельности хулителей Христа. Ликиний - шурин Константина, уже доживавший последние годы своего царствования, подписав некогда с Константином миланский указ о веротерпимости, тем не менее подозрительно относился к христианам вообще как к людям в отношении к нему неблагонадежным, ненавидел и жес-

---

23) Арий богохульно учил, что Иисус Христос не есть Бог вечный и безначальный, что Он не единосущен Отцу и есть Его творение, - было время когда Его не было. Арий получил богословское образование в Антиохии в школе мученика Лукиана; став пресвитером в Александрии, он там обратил на себя общее внимание как умственными дарованиями, так и своею строго воздержной жизнью. Гордый умом и ученостью, Арий не внимал вразумлениям и увещаниям своего епископа Александра; не покорился он и собору, созванному епископом и осудившему его. Мало того, обольщая клир и народ своим красноречием, он постарался перебросить плевелы своего лжеучения и за пределы своей поместной церкви. Имея немалочисленных приверженцев, он отправил посольство с жалобой ко многим епископам восточных церквей. Там нашлись у него сторонники, во главе которых оказался Евсевий, епископ никомидийский, ранее знакомый с Арием по школе Лукиана, - "муж ученый", при том же родственник царской фамилии и потому человек влиятельный. Евсевий, епископ столицы (это было еще тогда, когда жив был император Ликиний, резиденцией коего была Никомидия) не признал авторитета суда александрийского епископа. В письме Арию он отвечал: "Прекрасно мудрствуя, желай, чтобы все так мудрствовали, потому что всякому ясно, что сотворенного не было, пока оно не приведено в бытие; приведенное же в бытие имеет начало". Епископ александрийский оказался поэтому в печальном положении; около 318 года Александр решился на крайнюю меру: созвал собор из ста епископов; отлучил Ария и его приверженцев от Церкви; изгнал богохульника из Александрии и в окружном послании объявил о этом по всем церквам (см. Богосл. Вест. 1906 г. Декабрь, ст. А. А. Спасского, стр. 584). Мера эта еще более распалила арианские споры и разнесла их пламя по всему Востоку. Дело Ария теперь утрачивало местный характер и получало общецерковное значение.

токо гнал их. Во взаимных же между ними раздорах, вызванных арианскою ересью, он мог усматривать явление желательное, полезное для себя. Распри эти, ослабляя силы Церкви, могли порождать у него надежду на поддержку ему в его замыслах против могущественного шурина. И такие расчеты Ликиния были не напрасны. О епископе Евсевии никомидийском сам Константин, например, отзывался так: "он даже подсылал ко мне соглядатаев и чуть ли не подавал тирану Ликинию вооруженную помощь".

Прибыв в Никомидию, Константин глубоко поражен был раздорами, возбужденными арианством. Впрочем, он не сразу понял важность этих событий. И сам он, и прибывшие с ним с Запада таинники божественного учения получали здесь одностороннее освещение дела Ария от никомидийцев, которые в догматических вопросах видели не предмет благочестивой веры, имеющий жизненное значение, а область научного исследования и словопрения. Тем не менее, Константин не оставил без внимания арианского дела; на первых порах он отправил обширное примирительное послание в Александрию с убедительной просьбой к епископу Александру и пресвитеру Арию прекратить взаимный раздор. По мнению царя, не прав был и епископ по своей неосторожности и резким мерам, виноват и Арий, что прервал общение, не покоряясь епископу; он рекомендует обоим взять пример с философов, которые, хотя и спорят между собой, но уживаются мирно. При том же оба они стоят на общей почве: оба признают божественное Провидение, а потому им легко примириться [24]

Вместе с этим посланием Константин отправил в Александрию своего любимого епископа Осию кордубского, который должен был исследовать это дело на месте и содействовать умиротворению александрийцев. Осия исполнил поручение императора. Правда, он не примирил противников, зато из расследования споров он вынес убеждение, что ересь Ария - не праздное пустословие, а угрожает потрясением основ христианской веры и ведет к отрицанию всего христианства. В 324 году Осия возвратился к царю и разъяснил ему серьезную опасность арианского движения. Тогда Константин решил созвать Вселенский Собор, который, по его мнению, оста-

24) Евсевий: Жизнь Константина II, 64-72.

вался единственным средством к умиротворению Церкви. По мысли царя, Собор этот, "выступая войной против главного врага", возмущавшего тогда мир Церкви, хульной арианской ереси, должен был рассмотреть и другие вопросы и дать ответы-определения по устроению внутренней жизни христиан [25]

Вселенскому Собору властью царя определено было быть в городе Никее[26]. Константин сделал все, чтобы облегчить епископам путешествие к месту собрания, содержание же прибывших в Никею он принял на счет государства. В Никею прибыли святители из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, из Малой Азии, Греции, Персии и Армении и от задунайских готов; из Рима вместо престарелого епископа прибыли два пресвитера. Среди собравшихся святителей были: Александр александрийский, первый обличитель Ария, привезший с собою архидиакона Афанасия, мужественного и искусного борца с арианами (впоследствии Великого, архиепископа александрийского), святитель и великий чудотворец Николай Мирликийский, святитель Спиридон чудотворец. Всего на Собор прибыло более 2000 человек (с епископами были пресвитеры и диаконы), и одних святителей было 318.

Собор открылся в июне 325 года в обширной палате царского дворца. Скамьи стояли кругом в комнате для епископов, а посреди - стол, на котором лежала книга Священного Писания как верное свидетельство истины. Когда все собрались, явился Константин во всем величии своего императорского сана, но без вооруженной стражи, в сопровождении придворных из христиан, облеченный в самые пышные царские одежды, блиставшие золотом и драгоценными камнями. Появление его поразило собрание и особенно тех из присутствовавших на нем, которые, прибыв из дальних стран, никогда не видали ни его царского лица, ни его царственного величия; но и сам он смутился при виде такого собрания славных пастырей Церкви Христовой, среди которых находи-

---

[25] Евсевий: Жизнь Константина III, 17. V, 6.

[26] Никея тогда была обширным и богатым городом - главным в вифинской приморской области; с морем она сообщалась посредством озера и была одинаково хорошо доступна с моря и суши; там был обширный императорский дворец и находилось много зданий, где свободно могли поместиться собравшиеся на собор епископы и клирики; Никея отстояла всего на 20 миль от Никомидии, тогдашней резиденции императора.

лись строгие подвижники и чудотворцы, исповедники и мученики с обожженными руками и прободенными очами, пострадавшие за веру. Молча, с поникшим взором, подошел он к приготовленному для него золотому креслу и, стоя, ждал, пока святители пригласят его сесть. Выслушав затем приветственно-благодарные речи Евстафия антиохийского и историка Евсевия кесарийского, Константин сам обратился к собранию с речью, в которой выражал свою радость, что видит такое великое собрание отцов, и умолял их разрешить спорные вопросы миролюбиво. "Бог помог мне, - говорил он, - низложить нечестивую власть гонителей, но несравненно прискорбнее для меня и несравненно пагубнее всякой войны, всякой кровопролитной битвы внутренняя междоусобная брань в Церкви Божией".

Ариане шли на Собор и держали себя на нем смело и уверенно, они не предвидели, что их делу предстоит полный и всесторонний разгром; напротив, они ожидали счастливого разрешения своих замыслов: на своей стороне они имели 17 епископов; во главе их был столичный архиерей, имевший связи в царском дворце. Ариане надеялись, что Собор, если и не согласится с их воззрениями, то не предаст их строгому осуждению. Арий упорно защищал свое учение, употребляя всю силу своего красноречия. Но непоколебимая, убежденная преданность отцов Собора истинному церковному учению посрамила лживую премудрость богохульника. Защитники православия хорошо понимали, в чем состоит сущность арианской ереси, и достойно, с глубоким религиозным чувством и истинно просвещенным разумением опровергали ее.

Особенной силой слова и меткостью в изобличении еретического учения отличался при этом александрийский диакон Афанасий: его слово расторгало, как легкую паутину, хитрословие еретика. Споры были жаркие и продолжительные; тщетно Константин пытался употребить свое влияние, чтобы примирить спорящих и привести их к дружелюбному решению спора. Чем далее продолжались прения, тем очевиднее становилось, как далеко уклонились ариане от истины.

Бесповоротно осудив арианство, отцы Собора решили дать верующим точное исповедание православного учения - символ веры. Евсевий, епископ кесарийский, представил Собору "крещальный символ", который с давнего времени упот-

реблялся в его церкви и был изложен почти исключительно выражениями, взятыми из святого Писания. Отцы встретили этот символ с одобрением, но, чтобы совсем устранить возможность вкрадывания в него еретической мысли, они признали нужным заменить некоторые общие выражения в нем такими, которые в совершенстве определяли бы церковную истину. Присутствовавший на Соборе император присоединился к отцам в одобрении Кесарийского символа и исповедал свое полное согласие с ним; но вместе с тем Константин предложил внести в символ формулу, на которой останавливались вожди Церкви еще на предварительных совещаниях для выражения церковной мысли о Сыне Божием и Его отношении к Богу-Отцу, - наименование Его "единосущным" Отцу. Слово, сказанное царем, единодушно было принято Собором и послужило основой учения о Лице Господа Иисуса, центрального христианского догмата.

Символ "крещальный" был исправлен, и Собором был изложен новый Никейский символ веры, непререкаемый для всей Вселенской Церкви.

Заключительное торжественное собрание отцов в Никее состоялось в императорском дворце 25 августа 325 года; оно совпало с 20-летним юбилеем царствования Константина.

Отпуская отцов Собора, Константин в прощальной речи к ним умолял их сохранять мир между собою.

- Берегитесь, - говорил он, - горьких между вами споров. Пусть никто не имеет зависти к явившим особенную мудрость: достоинство каждого считайте общим достоянием всей Церкви. Высшие и превосходные, не смотрите высокомерно на низших: Богу одному ведомо, кто превосходнее. Совершенство редко где бывает, и надо иметь снисхождение к слабейшим братиям; мирное согласие дороже всего. Спасая неверующих, помните, что не всякого можно обратить ученым рассуждением, - поучения надобно сообразовывать с расположениями каждого, подобно врачам, применяющим разные лекарства к разным болезням.

Исполнилось, таким образом, заветное желание благочестивого императора, которое он исповедал, однажды даже призывая во свидетели Самого Бога: "учение всех народов его державы о Божестве соединить в один общий строй". Великая мысль, подсказываемая царю его святым религиозным

чувством, осуществление которой он ставил для себя главной жизненной задачей, эта поразительная по возвышенности содержания и широте объема мысль Великого Константина, теперь доведена была до общего сознания, стала достоянием всего христианского мира. Мало того, для осуществления этой мысли в христианской жизни благочестивый царь указал и вернейший путь - Вселенский Собор, шествуя по которому, овцы пажити Христовой, как уже званные, так и иные, еще не званные по благодати Божией безошибочно стремятся к Небесному Отцу для истинной жизни(Ин. 10,9). И это истинно-победное торжество равноапостольного царя было ознаменовано отрадным для него событием - обретением бесценного сокровища - частицы животворящего Креста Господня, привезенной из Иерусалима ему в дар его матерью царицей Еленой.

Константин жил после собора еще более 10 лет и все это время с неизменной верностью держался Никейского исповедания веры[27] и ревностно старался утверждать дух христианского благочестия в своем царстве, в себе самом представляя пример, достойный подражания. Будучи всесторонне образованным (и в частности богословски), он вел обширную переписку с предстоятелями церквей по предметам веры, благочестия и устроения христианской жизни, и нередко в своем дворце выступал перед собранием царедворцев и народа даже с "боголепным" учительством. Трудолюбие его было необычайно, праздности он не терпел: уже и в преклонном возрасте он не считал бременем для себя даже собственноручно писать обширные законодательные акты. Скромный, правдивый и великодушный по природе своей, он не прельщался своим царским величием и шумными восторгами народной толпы - эти восторги только наводили на него скуку. Находясь на высоком уровне нравственного развития, Константин хотел поднять до того же уровня и всех, кто с ним соприкасался.

Так однажды некоего вельможу-лихоимца он вразумил следующим способом: пригласив к себе, он взял его за руку и

---

27) Арианская ересь и после Собора не исчезла окончательно. Ариане при своей лукавой изворотливости входили иногда в доверие царя и, злоупотребляя его великодушием и миролюбием, производили по временам непристойные нападки на православных; особенно много терпел от них святой Афанасий Великий.

сказал: "До каких пределов мы будем простирать свою алчность?" Потом промолвил, очертив копьем пространство в рост человека: "Если бы ты приобрел все богатства мира и овладел всеми стихиями земли, и тогда не воспользуешься ничем; более этого куска земли не получишь". [28]

Другой пример: выслушав льстивую речь одного почетного лица (из духовных), которое называло царя "блаженным" и выражало, что "он и в сей жизни удостоился самодержавного над всеми владычества, и в будущей станет управлять вместе с Сыном Божиим", Константин ответил ласкателю: "Ты лучше помолись о царе, чтобы и он в будущей жизни удостоился быть рабом Божиим".

Благотворительность царя лилась широким потоком; по свидетельству современника, "с утра до вечера он изыскивал - кому бы оказать благодеяние"; нищих и нуждающихся он снабжал и деньгами, и пищей, и приличной одеждой; о детях осиротевших он заботился вместо отца; дев, лишившихся родителей, выдавал замуж, снабжая их приданым из своей казны. Особенно много делал он благотворений в день Пасхи. В новой своей столице Константин ввел обычай, чтобы в пасхальную ночь на всех ее улицах возжигались высокие восковые столбы, "светлее самого дня", а лишь только наступало утро, Константин ко всем неимущим простирал свою десницу, раздавая им подарки. С такою же щедростью царь раздавал милостыню и по случаю своих семейных радостных событий, например - брака его сыновей; в последних случаях устраивались роскошные пиры и обеды для приглашенных, веселье тогда из дворца выносилось даже на улицу, - царь приветливо принимал хороводы женщин, но при царе всегда и во всем соблюдалась полная благопристойность и не допускалось ничего нескромного и соблазнительного.

Последние годы и особенно дни жизни царя Константина, как и его кончина, были достойным завершением его христианской благочестивой настроенности. Еще задолго до смерти Константин начал готовиться к ней. В новой своей столице он построил храм во имя святых Апостолов. Храм этот украшен был двенадцатью ковчегами во славу лика апостольского, а посреди этих ковчегов устроена была гробница. Сначала ос-

---

[28] Евсевий: Жизнь Константина кн. IV, гл. 30.

тавалось неясным, для чего здесь устроена была гробница, а потом это разъяснилось, и оказалось, что эту гробницу благочестивый царь устроил для самого себя. Мысль о смерти стала для Константина предметом напряженного размышления, как только он начал чувствовать упадок своих физических сил. В 337 году Константин в последний раз торжественно отпраздновал в Константинополе Пасху и вскоре занемог. Предчувствуя близкую кончину, он всецело предался святым упражнениям: часто преклоняя колена, ревностно изливал горячие молитвы пред Богом; по совету врачей он переехал в это время в город Елеонополь, чтобы лечиться там теплыми ваннами.

Но Константин до сих пор еще не был крещен. Это в наше время и для нас может казаться явлением весьма странным, но в древние времена Церкви христианской многие принимали крещение в зрелых летах или даже в старости, одни - по чувству глубокого уважения к великому таинству, для восприятия которого считали необходимым долгое приготовление, другие же не без лукавого похотения - пожить сначала в свое греховное удовольствие, а потом уже и возродиться для новой духовной жизни. Константин, с юных лет носивший в сердце своем Христа, издавна сделавшись в душе христианином, откладывал свое крещение по смиренному сознанию своей греховности, желая подвигом целой жизни приготовить себя для этого. При этом же в душе его хранилось искреннее желание креститься в водах реки Иордана.

Не получая облегчения в Елеонополе и чувствуя крайний упадок телесных сил, Константин переправился в Никомидию и здесь, созвав епископов, просил их удостоить его святого крещения.

Перед крещением умирающий царь произнес такую речь:

- Пришло желанное время, которого я давно жажду и о котором молюсь как о времени спасения. Пора и нам принять печать бессмертной жизни[29].

Великий и равноапостольный Константин скончался, завещав царство трем своим сыновьям, в самый день Пятидесятницы 337 года, на тридцать втором году своего царствования, будучи шестидесяти пяти лет от рождения. Тело его с

---

29) Евсевий: Жизнь Константина кн. IV, гл. 62, 63 64.

великим торжеством перенесено было в созданный им град Константинополь и положено, согласно его завету, в церкви святых Апостолов, в гробнице, им самим уготованной. Ныне же он живет бесконечной жизнью в вечном Царстве Христа Бога нашего, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков. Аминь.

Тропарь, глас 8:

Креста Твоего образ на Небеси видев и, якоже Павел, звание не от человек прием, в царех апостол Твой, Господи, Царствующий град в руце Твоей положи, егоже спасай всегда в мире молитвами Богородицы, едине Человеколюбче.

Кондак, глас 3:

Константин днесь с материю Еленою, Крест являют, всечестное древо, всех убо иудеев посрамление суще, оружие же на противныя верных людей: нас бо ради явися знамение велие и во бранех грозное.

Тропарь Воздвижению Честного и Животворящего Креста Господня, глас 1:

Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя, Крестом Твоим жительство.

Кондак, глас 4:

Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому Твоему новому жительству, щедроты Твоя даруй, Христе Боже, возвесели силою Твоею, верные люди Твоя победы дая нам на сопостаты, пособие имущим Твое, оружие мира, непобедимую победу.

